

– 352 с.

Мукаржовский Я. К вопросу об эстетике кино / Я. Мукаржовский // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. – М., 1994. – С. 396-410.

Николина Н.А. Архитекстуальность как форма межтекстового взаимодействия / Н.А. Николина // Структура и семантика художественного текста : доклады 7-ой международной конференции. – М., 1999. – С. 259-268.

Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А.П. Скафтымов // Русская литературная критика : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. – Саратов, 1994. – С. 134-159.

Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – М. : Искусство, 1970. – 225 с.

Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М.Б. Храпченко. – М. : Худож. лит., 1977. – 479 с.

Шумская О.Н. Стэнли Фиш и литературная критика в США / О.Н. Шумская // Вестник СевГТУ. – 2005. – Вып. 61. Филология. – С. 65-77.

Яусс Г.Р. К проблеме диалогического понимания / Г.Р. Яусс // Бахтинский сборник-III. – М., 1997. – С. 183-204.

Prince G. Introduction to the Study of the Narratee / G. Prince // Essentials of the Theory of Fiction / Ed. by M. Hoffman. – London, 1988. – Pp. 7-25.

ТЕОРИЯ ЖАНРА МОЛИТВЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

О.А. Перевалова

*Научный руководитель: О.В. Зырянов,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Современное литературоведение – как отечественное, так и зарубежное – до сих пор не выработало даже сколько-нибудь устойчивого отношения к феномену стихотворной молитвы, говорить же о достаточной разработанности объема теоретического понятия не приходится. Большинство современных исследователей, так или иначе затрагивающих рассмотрение молитвенной лирики русских и зарубежных поэтов в своих научных работах, обходят стороной вопросы, связанные с жанровой спецификой стихотворной молитвы, ограничиваясь анализом религиозных (христианских, православных, молитвенных и пр.) тем и мотивов в творчестве того или иного автора или констатацией существования многовековой традиции молитвенной лирики. Ряд литературоведов начала XXI в. предпринимают попытки в той или иной степени наполнить понятие молитвы жанровым содержанием, определить его структуру и функциональные особенности. Процесс литературоведческого определения специфического лирического жанра труден сам по себе ввиду многозначности молитвы, одновременно принадлежащей к

различным областям культуры. Отчасти очевидная вторичная природа жанра молитвы долгое время мешала рассмотрению его в рамках дискурса литературы, лирики.

Так, Э.М. Афанасьева отмечает, что «молитва долгое время воспринималась как само собой разумеющееся явление, разлитое в ментальном пространстве, а потому – некая данность, не допускающая отстраненной оценки» [Афанасьева 2000: 13]. Молитву невозможно рассматривать единственно как явление религиозной природы, она органично вбирает в себя черты национального дискурса, становится важной составляющей жизни народа. «С богословской точки зрения, молитва признается вместилищем духовной жизни или самой духовной жизнью в движении и действии» [Христианство 1995: 142]. Каноническая молитва – как своеобразный «сборник» идеологических и нравственных норм, определяющих духовное и земное бытие человека, – явилась для русских поэтов первоисточником лирического жанра.

Многие исследователи, в том числе и В.А. Котельников, отмечают существование в России «давней и устойчивой традиции молитвенной лирики» [Котельников 1994: 3]: «Потребность “говорить к Богу”, открываться Всевышнему в том или ином жизненном положении, душевном состоянии присуща едва ли не всем русским поэтам. Среди их мирских речей нередко возникает слово, восходящее, или воспаряющее, или рвущееся из души ввысь, к Творцу, как ответ на тихий, но внятный христианскому слуху зов Его» [Котельников 1994: 5]. Подобную точку зрения высказывает и Т.А. Кошемчук, объясняя появление «молитвенных стихотворений» в творчестве русских поэтов их органичной «причастностью к церковному богослужению», а существование традиции «религиозной поэзии» ее христианскими корнями и духом: «Русская классическая поэзия – самовыражение души русского человека, и потому она наиболее точно отражает онтологическую глубину национальной личности, складывающуюся в течение веков, формирующуюся в религии, в религиозной самоидентификации» [Кошемчук 2006: 19]. Аргументируя свою позицию, Т.А. Кошемчук приводит метафорическое высказывание дореволюционного исследователя Д.С. Дарского: «Русская поэзия по природе христианка, укрывшаяся от мира молитвенница» [Кошемчук 2006: 19]. Следует отметить, что подобные суждения нередко встречаются и в работах других исследователей – например, В.Н. Захарова («Русская литература была христианской» [Захаров 1994: 5]), И.А. Есаулова («Православный тип духовности определил доминанту русской культуры» [Есаулов 1995: 268]), М.М. Дунаева («Важнейшее в нашей отечественной словесности – ее православное миропонимание, религиозный характер

отображения реальности, который проявляется прежде всего в особом способе воззрения на мир» [Дунаев 2003: 3]), Е.А. Кучиной («В истоках нравственного, эстетического, духовного сознания русских поэтов лежит православное Слово, Слово молитвы, опыт безусловно усвоенной православной традиции» [Кучина 2011: 20]). Очевидно, молитвенное творчество русских поэтов рассматривается вышеназванными исследователями исключительно в его непосредственной связи с христианством в русле т.н. «религиозного» литературоведения, возникшего на рубеже XX-XXI вв. и имеющего целью «постижение религиозного смысла творчества русских писателей и поэтов в его сложности, в процессе и становлении, в духовных достижениях и отступлениях» [Кошемчук 2006: 13].

Авторы подобных исследований предпринимают попытку религиозного осмысления нерелигиозных по своей сути явлений и зачастую следуют в своих рассуждениях по пути фальсификации понятий и углубления в псевдонаучную область, что получает довольно широкое распространение в контексте российской действительности начала XXI в. Само по себе стремление исследователей связать особенности русской литературы с ее формированием и развитием в христианском (православном) контексте, несомненно, имеет право на существование, но практическое осуществление данного замысла нередко оказывается лишенным научных оснований и иллюстрирующим подмену смыслов, попытку «подправить» материал в сторону нужных, носящих неперемный догматический характер, смыслов. Например, пытаясь интерпретировать лирику А.С. Пушкина, И.Ю. Юрьева находит в стихотворениях поэта частые отсылки («прямые и скрытые цитаты») к текстам Священного Писания, Библии, Евангелия, святоотеческих трудов, зачастую весьма сомнительные [Юрьева 1999]. Подобного рода исследования расширяют, наряду с христианско-культурологическим кругозором читателей, понимание содержательных основ русской литературы, но не нацелены на рассмотрение сущностных основ жанровой системы, составляющей специфику русской поэзии.

Э.М. Афанасьева подробно анализирует функционирование стихотворных молитв в русской поэтической традиции и выделяет их жанровую структуру [Афанасьева 2000]. И.В. Козлов рассматривает жанр стихотворной молитвы в контексте творчества Ф.Н. Глинки [Козлов 2004]. «К жанру молитвы, – пишет М.Р. Чернышов, – можно отнести любое лирическое стихотворение, отвечающее двум основным критериям: 1) грамматическая доминанта текста – обращение во 2-м лице; 2) сакральность, сверхъестественная сущность адресата» [Чернышов 2005: 169]. Подобное определение жанра молитвы в широком смысле

коррелирует с концепцией В.С. Соловьева о божественном происхождении поэзии, о первоначальном синкретизме религиозного и художественного, о том, что поэзия родилась из храмового действия, из молитвы [Соловьев 1991: 73–89], со словами И.А. Ильина о том, что «искусство в России родилось как действие молитвенное; это был акт церковный, духовный; творчество из главного; не забава, а ответственное делание; мудрое пение или сама поющая мудрость» [Ильин 1996: 204], с высказыванием З.Н. Гиппиус «Все стихи всех действительно поэтов – молитвы» [Гиппиус 1904: 7] и мыслью современной исследовательницы И.З. Сурат, что лирика исторически и онтологически выросла из молитвы и «по сути своей соприродна ей» [Сурат 1994: 216].

Если понимать под молитвой (словом) обращение к Богу, то очевидно рассмотрение ее как **жанра религиозного дискурса** в качестве основы литературной молитвы.

Молитва (как знак культуры) – «жанр конфессионального общения, словесное обращение человека к высшим силам, в существование которых он верит», имеющее определенную структурную композицию: «личное обращение, изложение предмета молитвы и оснований (просьбы, благодарности или прославления)» [Культура русской речи 2003: 332–333]. Так называемая «церковная молитва», безусловно, отличается от молитвы поэтической, литературной. Данные отличия основаны на принадлежности вышеназванных жанровых модификаций к разным сферам сознания. Церковная молитва принадлежит религиозному сознанию, тогда как поэтическая вмещает в себя законы художественного, не отрицая при этом религиозных концепций, т.е. являясь своего рода «вторичным образованием» по отношению к первоисточнику.

Молитва, по мнению Е.В. Бобыревой [см.: Бобырева 2007], является наряду с притчами и псалмами одним из «первичных» жанров религиозного дискурса. Схожее мнение высказывает С.И. Ермоленко: «Молитва – сакральный жанр, восходящий к древнейшей гимнической традиции» [Ермоленко 2010: 9]. «Религиозный дискурс представляет собой институциональное общение, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники – священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп – храмовое богослужение» [Бобырева 2007: 4]. Применительно к жестко ритуализованному религиозному дискурсу исследовательница говорит о невербальном (поведенческом) и вербальном ритуалах. Под последним понимается «совокупность речевых образцов, очерчивающих границы ритуального действия» – начальное

обращение при церковной службе верующих к Богу с помощью молитвы и финальное «подытоживание» службы или молитвы: «Аминь». Е.В. Бобырева не ограничивает религиозный дискурс исключительно церковным пространством. В рамках религиозного дискурса, в зависимости от ситуации и особенностей взаимоотношений, коммуникантов она выделяет три вида общения: 1) общение в церкви, отличающееся «высокой клишированностью, ритуализованностью, театральностью, разграничением ролей и большой дистанцией между участниками общения»; 2) «общение в малых религиозных группах»; 3) непосредственное «общение человека с Богом» (молитва) [Бобырева 2007: 8].

Молитва (как факт религиозного дискурса) имеет четко выраженную **диалогическую** природу. Психологическая составляющая молитвы включает в себе изначальную готовность верующего человека к общению с трансцендентной Высшей сущностью и Божественную инициативу начала диалога, явленную в априорном знании человека о мире и Боге. Но, по мнению Т.В. Бердниковой, «молитва как жанр не предполагает вербально выраженной реплики-реакции, которая, согласно традиционному пониманию диалога, составляет диалогическое единство с репликой-стимулом: говорящий произносит молитву в надежде на ответ, который выражен невербально» [Бердникова 2009: 381]. «Автономная ценность религиозного диалога связывается при этом, – пишет М. Войтак, – с тремя основными типами позиции молящегося человека: религиозного ожидания (надежды), религиозного понимания (веры) и преданности (любви)» [Войтак 1998: 219].

Молитва как *художественный текст* ориентирована на **сакральное слово** (как на память о церковной природе жанра) и приятие акта Богообщения как текстопорождающего фактора. Жанровое самосознание определяет и речевые особенности литературной молитвы, основной функцией которой становится воздействие на внутренний мир воспринимающего сознания путем вовлечения его в ситуацию духовного сопереживания и побуждения к религиозному отклику.

Генетическая связь литературной молитвы с молитвой религиозной обнаруживается уже в контексте и структуре стиха, поэтому можно утверждать, что обращение художников к данному жанру обусловлено явлением жанровой «памяти». Тем не менее, функциональность жанра поэтической молитвы связана не только с «памятью жанра», но и с типологическим характером духовной природы произведений данного жанра, что существенно отличает их от текстов, жанровые особенности которых определяются только по литературным критериям.

«Поэтическая молитва, – пишет М. Войтак, – художественное

высказывание, направленное к Богу, реализующее определенную жанровую схему, основанную на диалогической форме текста, его апеллятивном характере, а также на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращенного непосредственно к Абсолюту» [Войтак 2007: 47]. М.С. Руденко называет поэтическую молитву «особым способом выражения в форме искусства религиозных чувств», считая, что «обращение к данному жанру позволяет художнику раскрыть глубинные пласты своего творческого и человеческого “я”, высказать то, что обычно относится к области несказанного» [Руденко 1996: 11]. Подобным образом рассматривает молитву и В.А. Котельников [см.: Котельников 1994: 7-8]. Молитва, по мнению исследователя, является отображением «религиозно-мистических», нравственных и эстетических воззрений поэтов. Художник, находясь в состоянии «встревоженности», вопрошает бытие о его безусловных основаниях, об истине жизни, о смысле смерти. Настоящее поэтическое творчество обосновано стремлением возвыситься над телесно-реальной сферой, обратившись к сфере духовной, что обуславливает создание молитвы. Для поэта вопрос о надреальных ценностях (свободе, любви, добре) перерастает в поиск возможности бытийной гармонии и постоянных опор в качестве противостояния стихиям зла и разрушения, в преодоление хаоса в своем внутреннем и внешнем мирах. Подобный поиск возникает оттого, что художник острее (или больнее), чем любой другой человек, ощущает несовершенство мира реального и, как человек творящий (а значит, уже в какой-то степени «потусторонний») ищет замену земным реалиям каким-то неведомым космическим Абсолютом. Бог становится как бы посредником между художником и путем к абсолютной истине, к совершенному благу, который им выбран: для одних это религиозно-мистическое потрясение, для других – взлет философской мысли, для третьих – обостренное самопознание и соприкосновение с красотой мироздания.

Т.А. Радченко говорит о поэтической молитве как о «особой жанровой форме», включающей в себя «поэтические переложения молитв» и «оригинальное молитвотворчество» и обладающей следующими жанрообразующими признаками: «1) установка на Богообщение или на воспоминание пережитого молитвенного опыта (“дух молитвы”), иначе – “новая религиозная реальность”, которая определяет 2) “новую языковую реальность”, что предполагает: а) план содержания (“смысл” молитвы): к нему можно отнести, например, семантический ритм; б) план выражения (соответствующая “форма” молитвы): например,

грамматические (психолингвистические) характеристики молитвенного текста как явления, относящегося к сфере лингвистики измененных состояний сознания». «Память (языковая, ритмическая, образная и т.д.) жанра об особом текстопорождающем состоянии сознания и авторская установка на воспроизведение подобного опыта (или же прямо на Богообщение)», по мнению Т.А. Радченко, и будут лежать в основе поэтической молитвы [Радченко 2001: 352-358].

Проанализировав круг исследований, посвященных специфике жанра стихотворной молитвы, мы можем сделать вывод, что в современном литературоведении под молитвой понимается жанр лирической поэзии, ориентированный на определенный канон (молитвенные тексты, входящие в религиозную практику) и обладающий по отношению к нему некоторой степенью вторичности.

Текст молитвы изначально ориентирован на какой-либо сакральный первоисточник и представляет собой своего рода художественную рефлексию по его поводу, выраженную в форме переложения, подражания, интерпретации или индивидуально-авторского молитвенного творчества. Поэтические молитвы, так же как и канонические, имеют форму диалога, но лирическая позиция субъекта в них усиливается, индивидуализируется его внутреннее чувство, происходит, как правило, утрата соборности, проявляется эгоцентричность («самость»), немислимая в религиозной молитве. Композиция молитвенных поэтических текстов в большинстве случаев сохраняет трехчастную структуру, но один или несколько элементов ее могут быть видоизменены или исключены из репрезентации молитвенного события, что зависит от эстетической установки художника. Более всего подвержена изменению позиция закрепительной формулы, которую поэты, даже творящие в рамках переложительной традиции, зачастую опускают, либо ментально осознавая ее как априорно явленную, либо заменяя ее словесными показателями обреченности или неверия. Кроме того, структура стихотворной молитвы наполняется новыми элементами, обрамляющими ее или входящими в нее. Исключительную важность приобретают пространственно-временные координаты и душевное состояние субъекта речи, его отношение к миру и Божественному, что выливается во включение в текст молитвы элементов описания (пейзажные зарисовки, хронотоп), а также своеобразных «лирических отступлений», касающихся глубоко личностных переживаний героя. Собственно мольба актуализируется в стихотворных молитвах императивным характером просьб, обращенных к Божественному адресату, «сиюминутностью» молитвенного события, антиномичностью поэтического сознания, стремлением к миру идеальному, к объяснению мировых противоречий и

обретению ощущения умиротворенности, что и становится установкой молящегося.

В заключение следует отметить, что молитва как лирический жанр, несмотря на обилие исследований, так или иначе касающихся рассмотрения молитвенного творчества русских поэтов, по-прежнему остается малоизученной. Тем не менее, выявление жанровой модели стихотворной молитвы, внимание к динамике жанровой формы позволит не только понять специфику данного феномена, но и по-новому взглянуть на историко-литературный процесс. Необходимость жанрологического описания стихотворной молитвы представляется нам одной из актуальных проблем современного литературоведения.

Список литературы

- Афанасьева Э.М.* «Молитва» в русской лирике XIX в. / Э.М. Афанасьева // Русская стихотворная «молитва» XIX в. : антология. – Томск : STT, 2000. – С. 7-56.
- Бердникова Т.В.* Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения / Т.В. Бердникова // Жанры речи : сб. науч. статей. – Вып. 6. – Саратов, 2009. – С. 381-388.
- Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (На материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Бобырева. – Волгоград : ВГПУ, 2007. – 37 с.
- Войтак М.* Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (На материале литургической молитвы) / М. Войтак // Текст: Стереотип и творчество. – Пермь, 1998. – С. 214-230.
- Гиппиус З.Н.* Необходимое о стихах / З.Н. Гиппиус // Гиппиус З.Н. Собрание стихов 1899-1903 гг. – М., 1904. – С. 6–8.
- Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв. / М.М. Дунаев. – М. : Изд. Совет РПЦ, 2003. – 1056 с.
- Ермоленко С.И.* Религиозное чувство М.Ю. Лермонтова в лирическом выражении / С.И. Ермоленко // Лермонтовские чтения-III : мат-лы Всерос. науч. конф. (15-16 окт. 2009 г.). – Екатеринбург, 2010. – С. 6-30.
- Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 288 с.
- Захаров В.Н.* Русская литература и христианство / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. – Петрозаводск, 1994. – С. 5-11.
- Ильин И.А.* О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 6, кн. 1. – М., 1996. – С. 183-407.
- Козлов И.В.* Молитвенное слово в творчестве Федора Глинки (На материале стихов «Опыты священной поэзии») / И.В. Козлов // Дергачевские чтения-2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2006. – С. 51-55.
- Котельников В.А.* О христианских мотивах у русских поэтов / В.А. Котельников // Литература в школе. – 1994. – № 3. – С. 3-10.
- Кошемчук Т.А.* Русская поэзия в контексте православной культуры / Т.А.

Кошемчук ; отв. ред. В.А. Котельников. – СПб. : Наука, 2006. – 630 с.

Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

Кучина Е.А. Молитва в лирике А.С. Пушкина: Дружество как братство / Е.А. Кучина // Известия Уральского университета. – Сер. 2. – 2011. – № 3 (93). – С. 19-24.

Радченко Т.А. Духовная природа поэтической молитвы как основной жанрообразующий фактор (на материале стихотворения А.С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...») / Т.А. Радченко // Русская историческая филология: Проблемы и перспективы : докл. Всерос. науч. конф. памяти Н.А. Мещерского. – Петрозаводск, 2001. – С. 352–358.

Руденко М.С. Художественное осмысление религиозных образов и мотивов в поэзии Анны Ахматовой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.С. Руденко. – М. : МГУ, 1996. – 19 с.

Соловьев В.С. Общий смысл искусства / В.С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 73-89.

Сурат И.З. Пушкин как религиозная проблема / И.З. Сурат // Новый мир. – 1994. – № 1. – С. 207–222.

Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. / ред. С.С. Аверинцев. – Т. 2 : Л – С. – М. : Большая российская энциклопедия, 1995. – 671 с.

Чернышов М.Р. Риторическая молитва в русской и английской поэзии XIX в. / М.Р. Чернышов // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. трудов / под ред. О.Г. Сидоровой, А.В. Маркина. – Екатеринбург, 2005. – С. 168-174.

Юрьева И.Ю. Пушкин и христианство : сб. произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. – М. : ИД «Муравей», 1999. – 200 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ

А.С. Герасимова

*Научный руководитель: С.М. Богатова,
кандидат филологических наук, доцент (ОмГУ)*

Всем известно, что поэзия относится к разряду лирических произведений. Лирика (гр. «лира», музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись стихотворные произведения) – один из родов литературы. В основе любого лирического произведения лежит художественный образ. В широком понимании, художественный образ – это один из важнейших терминов искусства и искусствознания, который служит для обозначения связи между действительностью и искусством и наиболее концентрированно выражает специфику искусства в целом. По словам А.И. Николаева, «образ – сердце искусства, а само искусство – это способ мышления художественными образами» [Николаев 2011: 34]. Художественный образ обычно определяют как форму или средство